

Глава 17

Капитуляция у реки

Поле боя было усеяно телами павших. Из 19 000 вступивших в битву шведов 10 000 не вернулось, убитых и раненых насчитывалось 6901, а 2760 попало в плен, среди них фельдмаршал Реншильд, принц Макс Вюртембергский, шесть генерал-майоров и пять полковников. Граф Пипер, который весь день держался подле короля, потерял его, когда армия обратилась в беспорядочное бегство. Ища спасения, граф и два секретаря королевской канцелярии метались по полю, пока не оказались у стен Полтавы. Там они и сдались в плен.

Потери русских были сравнительно невелики, и неудивительно, ведь большую часть боя они вели со своих укрепленных позиций за земляными валами, окружающими их лагерь, или в редутах, в то время как их пушки сеяли смерть среди наступающих шведов. Из 42 000 воинов, принимавших участие в сражении, Петр потерял 1345 убитыми и 3290 ранеными. Итог этой битвы и соотношение потерь так отличались от всех предыдущих столкновений русских и шведских войск, словно противники поменялись местами.

Когда шведы отступали к Пушкаревке, русские их не преследовали. Рукопашная схватка, которая решила исход битвы, смешала не только шведские, но и русские боевые порядки. Кроме того, русские еще не знали, что неприятель разгромлен наголову, и продвигались вперед осторожно. К тому же Петру не терпелось отпраздновать одержанную победу. Сразу после молебна он отправился в лагерь, где в его шатре уже был накрыт пиршественный стол. Царь и его проголодавшиеся, усталые, но возбужденные генералы принялись за трапезу. После изрядного количества тостов в шатер привели пленных шведских генералов и полковников и пригласили сесть за стол вместе с победителями. Это был звездный час русского царя. Девять лет он с отчаянием наблюдал за неумолимым продвижением грозного соперника к российским пределам. И вот теперь он мог наконец сбросить тяжкое бремя тревоги. Счастливый победитель был снисходителен и заботлив к пленным шведам. Особенное внимание он оказывал Реншильду. Когда из Полтавы доставили Пипера, его тоже пригласили к царскому столу. Петр все время оглядывался по сторонам, ожидая, что вот-вот приведут короля, и постоянно спрашивал: «А где же брат мой, Карл?» За столом Петр со всем почтением спросил Реншильда, как могли шведы со столь малым числом людей отважиться на вторжение в столь великую державу. Реншильд отвечал, что таков был приказ короля, а долг подданных – повиноваться своему государю. «Вы честный солдат, – сказал Петр, – и за вашу верность я возвращаю вам шпагу». Когда с валов в очередной раз грянул салют, Петр встал и, с кубком в руке, провозгласил тост за здоровье своих учителей в военном деле. «Кто же эти учителя?» – спросил Реншильд. «Вы, господа!» – ответил Петр. «Хорошо же ученики отблагодарили своих учителей», – заметил фельдмаршал с горькой усмешкой. Петр оживленно беседовал с пленниками; празднование растянулось на весь день, и о необходимости преследовать побитых шведов вспомнили лишь к пяти часам вечера. Тогда Петр приказал князю Михаилу Голицыну с гвардией и генералу Боуру с драгунами поспешить на юг, вдогонку Карлу. А на следующее утро Меншиков повел в погоню еще один отряд русской конницы.

Вечером, когда кончился пир, Петр уединился в своем шатре, чтобы описать события этого дня. Екатерине он писал: «Матка, здравствуй! Объявляю вам, что всемилостливый Господь неописанную победу над неприятелем нам сего дня даровать изволил, и единым словом сказать, что вся неприятельская сила наголову побиты, о чем сами от нас услышите, и для поздравления приезжайте сами сюда».

Более пространные письма, общим числом четырнадцать, «из лагеря под Полтавой» были посланы Ромодановскому, Бутурлину, Борису, Петру и Дмитрию Голицыным, Апраксину, Петру Толстому, Александру Кикину, местоблюстителю патриаршего престола Стефану Яворскому, царевне Наталье, царевичу Алексею и другим. Во всех письмах говорилось, в сущности, одно и то же: «Доносим вам о зело превеликой и нечаемой виктории, которую Господь Бог нам через неописанную храбрость наших солдат даровать

изволил с малою войск наших кровию таковым образом: сегодня на самом утре жаркий неприятель нашу конницу со всею армеею конною и пешею атаковал, которая хотя по достоинству держалась, однако ж принуждена была уступить, токмо с великим убытком неприятелю; потом неприятель стал во фронт против нашего лагерю, против которого тотчас всю пехоту из траншаментов вывели и пред очей неприятелю поставили, а конница на обеих флангах, что неприятель увидя, тотчас пошел атаковать нас, против которого наши встречу пошли и такс оного встретили, что тотчас с поля сбили, знамен, пушек множество взяли, також генерал-фельдмаршал господин Рейншелед купно с четырьмя генералами, також первой министр граф Пипер с секретарями в полон взяты, при которых несколько тысяч офицеров и рядовых взято, и, единым словом сказать, вся неприятельская армия фаетонов конец восприяла; а о короле еще не можем ведать, с нами ль или со отцы нашими обретається; а за разбитым неприятелем посланы господа генералы порутчики князь Голицын и Боур с конницею, и сею у нас неслыханною новиною вашему величеству поздравляю. Петр».

К письму Апраксину была сделана приписка, в которой Петр лаконично определил значение Полтавской победы: «Ныне уже совершенно камень во основание С.-Петербурга положен с помощью Божиею».

* * *

Таким образом, Полтавская победа в одно утро положила конец вторжению шведов в Россию и в корне изменила политическую ситуацию в Европе. До сего дня при всех европейских дворах ждали известия о новой триумфальной победе Карла, о том, что прославленная шведская армия вступила в Москву, а царь лишился престола, если не головы, ибо в поверженной России непременно воцарился бы кровавый хаос. Ожидали, что на трон будет посажен новый царь, во всем зависимый от шведов, как это случилось в Польше. И тогда Швеция, которую почитали Владычицей Севера, по праву станет именоваться повелительницей Востока и воле ее будет покорно все на просторах от Эльбы до Амура. Побежденная Россия, безусловно, уменьшится в своих пределах: немало русских земель отойдет шведам, полякам, казакам, а возможно, также туркам, татарам и китайцам. Петербург навеки исчезнет с карты России, выход к Балтийскому морю для нее будет закрыт, и пробужденному было Петром народу придется остановиться, развернуться и послушно шагать назад, в сонное московское царство. Но все воздушные замки рассеялись как дым. Времени, прошедшего от рассвета до полудня, хватило для того, чтобы завоеватель превратился в беглеца.

Орудийный гром на поле под Полтавой возвестил миру о рождении новой России. До сих пор государственные мужи в Европе уделяли царю едва ли больше внимания, чем персидскому шаху или Великому Моголу. Полтава научила их считаться с Россией и учитывать ее интересы. В то утро – и сам царь был тому свидетель – пехота Шереметева, кавалерия Меншикова и артиллерия Брюса установили новое соотношение сил, которое с течением времени – в XVIII, XIX и XX столетиях – сохранилось и упрочилось.

* * *

Шведская армия была разбита, но не сдалась. Весь день, пока Петр потчевал в шатре пленных шведских полководцев, остатки рассеянного шведского войска стекались по капле в лагерь у Пушкаревки. Здесь они соединились с теми, кто оставался в траншеях у стен Полтавы, с отрядами, охранявшими обоз и переправы на Ворскле. Всего в лагере собралось 15 000 шведов; к тому же под ружьем, ожидая приказов Карла и его генералов, оставалось 6000 казаков. Среди уцелевших многие были ранены в недавнем бою, другие покалечены в прошлых сражениях или обморожены минувшей зимой. Пехотинцев почти не было, большую часть спасшихся составляли кавалеристы.

Карл добрался до Пушкаревки одним из последних. Ему перевязали ногу, и он, наспех проглотив кусок холодного мяса, велел позвать Реншильда и Пипера. Только тут король узнал, что они пропали. Первым по старшинству генералом остался Левенгаупт, и теперь Карлу пришлось во всем полагаться на «маленького латинского полковника».

О том, что делать, вопроса не стояло. Было ясно, что шведам необходимо уходить, пока русские еще не вполне осознали масштаб своего успеха и не пустились в погоню. Не стоял вопрос и о том, каким путем идти. На севере, востоке и западе находились дивизии победоносной армии Петра. Открытой оставалась только дорога на юг. Это был кратчайший путь в земли татар, где шведы могли найти убежище у Девлет-Гирея. Карл трезво оценивал обстановку и понимал, что теперь, с жалкими остатками армии, он не будет для хана таким же желанным гостем, каким мог бы быть прежде. Но он все же надеялся, что Девлет-Гирей приютит его разбитое войско и оно сможет оправиться и собраться с силами, перед тем как двинуться через турецкие и татарские владения в Польшу.

Итак, было решено незамедлительно выступать на юг и двигаться вдоль западного берега Ворсклы к Переволочне, лежавшей у впадения Ворсклы в Днепр, в восьми милях от Пушкаревки. Переправившись на восточный берег с помощью казаков, которые могли указать броды, шведы вышли бы на дорогу, ведущую из Харькова в Крым. Она оставалась свободной от неприятеля и проходила через несколько украинских местечек, где можно было бы передохнуть и разжиться съестным.

В тот же день был отдан приказ выступать. Из Пушкаревки шведы отходили в порядке, выслав вперед подводы и артиллерию. Самые тяжелые фуры командовавший тыловым охранением Крейц приказал сжечь, а обозных коней распрягли и раздали пехотинцам. Наспех сформированные маршевые колонны двинулись в путь, но их движение совсем не походило на бегство. Потерпевшая поражение, однако дисциплинированная армия сохраняла при отступлении надлежащий порядок. В строю оставалось еще несколько тысяч закаленных солдат, способных выдержать самую жестокую битву.

Все шведы – от командиров до рядовых – были неимоверно измотаны. Минувшей ночью никто из них не сомкнул глаз. Тогда, всего каких-то восемнадцать часов назад, перед рассветом, армия готовилась к атаке на редуты. Сейчас, ближе к вечеру, солдаты едва плелись за своими офицерами, и только желание убраться подальше поддерживало в них последние силы. Состояние короля ухудшилось. Долгие часы без сна, открывшаяся рана, горечь поражения, мрачные предчувствия, да еще и удушающая жара совсем доконали его. Король лежал без движения на подводе, потом впал в забытие. Когда он пришел в себя, сознание его было затуманено и он едва понимал, что происходит. Карл снова просил позвать Реншильда и Пипера. Ему объяснили, что их здесь нет, и Карл откинулся навзничь и промолвил: «Да, да, делайте что хотите!»

На следующий день, 29 июня, шведы под палящим солнцем продолжали свой путь на юг. Их подгонял страх перед возможной погоней, и они без остановки прошли мимо одного брода через Ворсклу, затем другого и третьего, так и не предприняв попытки переправиться. Куда легче было просто идти вдоль берега, чем терять время на переправу. Однако к четырем часам утра подгонявший шведов призрак русской армии воплотился в реальность. Командир тылового охранения Крейц догнал основные силы и доложил, что русские начали погоню, причем участвуют в ней не только казаки, но и регулярные части.

До места впадения Ворсклы в Днепр шведские колонны добирались два дня, и к вечеру 29 июня Переволочна стала заполняться массой людей, пушками и подводами. Но брода здесь не было, и при виде широкого Днепра солдат охватил настоящий страх. Само местечко и сотни лодок, припасенных запорожцами, были преданы огню солдатами Петра еще во время апрельского рейда. Для того чтобы переправляться на немногих оставшихся лодках, армия была слишком велика – только малая ее часть успела бы переплыть Днепр до появления русских. Приходилось думать о возвращении на север, к бродам, но оттуда подступал неприятель. А Ворскла и Днепр отрезали путь на юг, на восток и запад. Шведская армия попала в западню.

Предстояло принять нелегкое решение: кому предоставить возможность переправиться через Днепр? Левенгаупт и Крейц, пав на колени, молили короля использовать шанс на спасение. Поначалу Карл не хотел и слышать об этом: он желал остаться с армией и разделить ее судьбу. Но затем боль и усталость взяли верх, и он уступил. Впоследствии его нередко осуждали за это. Дескать, ради собственного спасения король бросил на произвол судьбы – на смерть или плен – своих солдат, которые так преданно ему служили. Однако решение Карла не лишено здравого смысла и дальновидности. Король был ранен. Армии предстоял долгий путь на юг, и, вероятнее всего, окрыленный победой противник будет неотступно преследовать отступающих. Большинство солдат теперь ехали верхом и могли двигаться быстро, а лежавший на повозке Карл был бы в пути только обузой. И главное, Карл – король Швеции. Попади он в плен, кто мог поручиться, что царь не захотел бы его унижить и провести в триумфальном шествии по улицам Москвы. Совершенно очевидно также, что в переговорах о мире Карл стал бы главным козырем в руках неприятеля. Свобода короля стоила бы Швеции многих владений.

Были у Карла и другие причины. Если бы он остался со своей армией и даже благополучно добрался до Крыма, он был бы отрезан от родины и, находясь на задворках Европы, не мог бы влиять на ход событий. Зная, что Петр повсюду будет трубить о своей победе, он хотел иметь возможность распространить и шведскую версию случившегося. Карл полагал также, что если он достигнет османских владений, то, возможно, сумеет убедить турок вступить с ним в союз и дать ему армию, чтобы он смог продолжить войну. И наконец, Карл не мог забыть о доверившихся ему казаках Мазепы и Гордиенко. Сейчас он отвечал за этих людей. И Карлу, и его солдатам грозил только плен, казаки же в глазах царя были изменниками – их ждали пытки и виселицы. Было бы недостойно чести шведского короля допустить, чтобы его союзников постигла такая участь.

Все эти соображения подвели Карла к тому, что он решил взять с собой сколько возможно раненых шведов, личную охрану и казаков, переправиться через Днепр и двинуться степью прямо к Бугу – границе Османской империи. Там они попросят убежища и, залечивая раны, будут ждать, когда к ним присоединятся остальные. А те двинутся на север к бродам, переберутся через Ворсклу, повернут к югу во владения хана и соединятся с королем в Очакове, на берегу Черного моря. Собравшись вместе, они смогут возвратиться в Польшу.

В ту же ночь Карла перевезли через Днепр. Походную коляску короля пришлось переправлять на двух скрепленных вместе лодках. Всю ночь маленькие рыбацкие лодчонки сновали туда-сюда, перевозя раненых солдат и офицеров. Король взял с собой уцелевших драбантов – их осталось в строю всего восемьдесят человек, 700 кавалеристов, около 200 пехотинцев, канцеляристов и прислугу. Многие казаки Мазепы переплывали Днепр, держась за хвосты своих лошадей. Кроме того, перевезли часть шведской армейской казны и два бочонка с золотыми монетами, которые Мазепа прихватил из Батурина. Всего через реку переправилось около 900 шведов и 2000 казаков. На рассвете, прежде чем тронуться в путь, Карл с тяжелым чувством посмотрел на покинутый берег – в шведском стане не было видно никакого движения. Однако на горизонте появились облака, и многим подумалось, что это клубится пыль из-под копыт приближающейся конницы.

Командование армией принял Левенгаупт. Таково было собственное его желание – угрюмый генерал сам настоял на том, чтобы остаться с войсками и разделить их судьбу. Он и Крейц обсудили с королем маршрут следования армии к месту встречи в Очакове. Левенгаупт обещал королю, что, если его настигнет неприятель, армия примет бой. Последующие события показали, что король и его генерал не вполне поняли друг друга. Карл считал, что Левенгаупт обещал сражаться в любых обстоятельствах, а Левенгаупт решил, что ему надлежит драться, только когда он уведет армию от Переволочны. «Если, по милости Господней, этой ночью и завтра на нас не навалится сильный неприятель, да еще и с пехотой, то можно будет надеяться спасти армию». Так или иначе, истолковать приказ Карла и обещание Левенгаупта не смог бы никто, кроме них самих. Свидетелей этого разговора не

было. Вину за то, что случилось впоследствии, Карл отчасти признавал и за собой. «Я виноват... Я забыл ознакомить всех генералов и командиров полков с приказами, о которых знали только Левенгаупт и Крейц». Вновь, как и во время злосчастной атаки Росса на редуты, неведение офицеров относительно общего замысла обернулось бедой.

Прежде всего Левенгаупт стремился поскорее уйти из Переволочны и, следовательно, вынужден был возвращаться по собственным следам на север, к одному из бродов через Ворсклу. Но войска были обессилены, многие не спали всю ночь, помогая переправлять короля и его сопровождение, и Левенгаупт распорядился, чтобы солдаты отдыхали. На рассвете предстояло тронуться в путь.

Оставшееся время употребили на то, чтобы подготовиться идти быстро и налегке. Деньги из полковых касс, были розданы людям под личную ответственность. Таким же образом распределили провиант и боеприпасы – каждый взял столько, сколько мог навьючить на коня. Остальное пришлось бросить, в том числе все подводы и фуры, которые могли замедлить движение войск. Артиллерию собирались взять с собой, но как только она станет обузой, ее тоже надлежало бросить.

Предоставленная солдатам для отдыха ночь не лучшим образом сказалась на дисциплине в шведском лагере. Все понимали, что спасение – на том берегу Днепра, и приказ поутру шагать назад, на север, был воспринят без энтузиазма. Сам Левенгаупт едва держался на ногах: его ко всему еще измучил тяжелый понос. В конце концов усталость одолела генерала и он погрузился в сон, продолжавшийся несколько часов.

Левенгаупт и Крейц проснулись на рассвете следующего дня, 1 июля: армия уже зашевелилась, солдаты седлали коней и готовились к выступлению. Но в 8 утра, когда шведы строились в колонны, на холмах замаячили фигуры всадников. С каждой минутой их становилось все больше, и скоро склоны холмов сплошь покрылись конницей. Это был Меншиков с 6000 драгун и 2000 верных царю казаков. Князь послал к шведам горниста и адъютанта, вызывая их на переговоры. Левенгаупт приказал Крейцу ехать к Меншикову и выслушать его предложения. Меншиков объявил, что шведы должны сдаться на обычных условиях, о чем Крейц и доложил Левенгаупту. Тот собрал на совет командиров полков. Командиры стали допытываться, каковы последние распоряжения короля. Но Левенгаупт умолчал о предполагаемом походе в Крым и воссоединении с Карлом и ограничился заявлением, что король просил армию держаться, сколько хватит сил. Тогда полковники разошлись по своим частям – выяснить настроение солдат. Но во всей армии никто не хотел брать на себя ответственность. Солдаты твердили одно: «Мы – как все: все будут драться – и мы будем».

По мере того как шли переговоры, мысль о капитуляции представлялась все более заманчивой. Хотя шведы с казаками втрое превосходили преследователей числом, это были остатки разбитой армии. Король их бежал, и они ощущали себя обреченными на долгие скитания по неведомым землям. Многие стали подумывать, что было бы неплохо разом покончить с затянувшейся на девять лет войной. Шведские офицеры рассчитывали, что их обменяют на пленных русских офицеров, и надеялись скоро вернуться в Швецию. Дух пораженчества витал над лагерем; возможно, этому чисто психологическому способствовало и то, что русские, заняв холмы, угрожающе нависли над шведами. Но главное – это Полтава: разбитая после Полтавы армия вконец пала духом. Миф о ее непобедимости был развеян, и она превратилась в сборище растерянных, напуганных и смертельно усталых людей.

1 июля в 11 часов утра Левенгаупт сдался без боя. В армии, которая капитулировала по его приказу, насчитывалось 14 299 человек, 34 орудия и 264 боевых знамени. Вместе с 2871 шведом, взятым в плен под Полтавой, у Петра теперь было более 17 000 шведских пленников.

Шведы стали военнопленными, но 5000 казаков, оставшихся с Левенгауптом, не приходилось рассчитывать на снисхождение. Им Меншиков не обещал ничего. Правда, многие казаки недолго думая вскочили на коней и ускакали в степь, но часть из них настигли, пытали, а потом вздернули на виселицы, чтобы другим была наука.

* * *

Тем временем на другом берегу Днепра Мазепа, сам не на шутку расхворавшийся, взял на себя заботы об общем спасении. 1 июля, еще затемно, он отправил в путь короля в походной коляске под охраной 700 шведских солдат, дав им в проводники казаков. Остальных гетман разделил на отряды и послал на юго-запад разными дорогами в расчете сбить с толку русских, если те вздумают пуститься в погоню. К вечеру на берегу никого не осталось, и след беглецов затерялся в степной траве. Той же ночью Мазепа, нагнав Карла, предупредил его, что необходимо спешить.

Путь их лежал по высокой траве, через степь, раскинувшуюся между Днепром и Бугом. Здесь никто не селился: эту степную полосу намеренно оставляли пустынной, чтобы она служила своего рода буфером между владениями царя и султана. Не видно было ни деревьев, ни жилья, никаких следов деятельности человека – ничего, кроме травы, вымахавшей выше человеческого роста. Раздобыть пропитание здесь было непросто, да и вода попадалась только в глинистых ручейках, едва пробивавшихся сквозь траву. В полдень из-за нестерпимой жары пришлось сделать привал на несколько часов.

7 июля шведы вышли к восточному берегу Буга. За рекой лежала земля, где они надеялись обрести убежище. Но тут возникло неожиданное препятствие: целых два дня пришлось добиваться у очаковского паши разрешения переправиться на безопасный берег, пока наместник султана не получил приличную взятку. Только тогда шведам предоставили лодки и они начали переправляться. Однако лодок не хватало, и когда к исходу третьего дня подоспела русская погоня, на турецкий берег не успело переправиться три сотни казаков и столько же шведов.

Как только Левенгаупт подписал капитуляцию у Переволочны, Меншиков отрядил князя Волконского с 6000 конницы за Днепр на поимку Мазепы и Карла. Сначала казацкие уловки запутали преследователей, но затем они напали на верный след и, поспешив, настигли беглецов у Буга. Когда они появились, главная добыча уже ускользнула, но на восточном берегу еще оставалось 600 человек. Русские пошли в атаку, и триста шведов сложили оружие. Казаки же, зная, что пощады им не видать, сражались до последнего. С другого берега за этой безнадежной схваткой наблюдал Карл. Помочь он был бессилен.

Так бесславно завершилось вторжение шведов в Россию. Великая армия перестала существовать. С той поры как Карл выступил из Саксонии, минуло почти два года – двадцать три месяца. И вот теперь шведский король в окружении всего 600 спасшихся соратников искал защиты в причерноморских владениях Османской империи, за пределами христианского мира.